

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

СОСТАВ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТАТЕЙ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ВОСКРЕСЕНСКОМУ СПИСКУ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЛЕТОПИСИ (К ДИСКУССИИ О НАЧАЛЕ ТВЕРИ И УНИКАЛЬНОМ СВИДЕТЕЛЬ- СТВЕ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЛЕТОПИСИ)

С.В. Богданов

Определение датировки – это один из самых серьёзных вопросов в научном историческом исследовании. Данное положение, может быть, не так актуальное для истории нового и новейшего времени, для средневековой истории имеет едва ли не определяющее значение. В изучении истории русских средневековых городов выяснение даты их возникновения – а это ключевой вопрос – вызывает порой жаркую дискуссию, которая, впрочем, не всегда оканчивается в пользу объективной точки зрения. В одном ряду с Казанью, сомнительный юбилей которой вопреки мнению научной общественности отмечался не так давно, стоит и Тверь.

Как известно, официально утверждённой городскими властями датой «рождения» города является 1135 год¹, хотя историки, опиравшиеся на данные письменных источников, называли и другие хронологические ориентиры: период между 1135 и 1149², 1181³, 1182⁴, 1209 г.⁵ Стоит отметить, что практически все исследователи этой группы возникновения Твери ставят в связь с формированием устойчивой границы между Новгородской землёй и Ростово-Суздальским (Владимиросуздальским) княжеством.

Особого мнения о времени появления Твери придерживается П.Д. Малыгин: исходя из анализа данных археологического исследования Тверского кремля, произведённого в 1980-х гг. Н.В. Мясниковой (Жилиной), и указывая на сведения Воскресенской летописи, исследователь отрицает возможность существования в приустьевом участке р. Тьмаки города в первой половине XIII в. и полагает, что здесь Тверь была основана в начале 1240-х гг.⁶ По его мнению,

¹ Эту дату определил В.И. Колосов на основании известного «Рукописания Всеволода»: Колосов В. Время основания города Твери. – Тверь, 1902. – С. 13, 14; Прошлое и настоящее г. Твери / Составил Товарищ председателя Тверской ученой архивной комиссии, хранитель музея В. Колосов. – Тверь, 1917. – С. 13–14.

² Кучкин В.А. Возникновение Твери и проблема тверского гостя в «Рукописании» Всеволода // Древнейшие государства на территории СССР. 1983. – М., 1984. – С. 230.

³ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. – Тверь, 1994. – С. 16-17. – Примечание 83.

⁴ Татищев В.Н. История Российская. – М.; Л., 1964. – Т. 3. – С. 127; Карманов Д.И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. – Тверь, 1893. – С. 30.

⁵ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. – М., 1956. – С. 42, 419.

⁶ Малыгин П.Д. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли в XII–XIII вв. // Становление европейского средневекового города. – М., 1989; Он же. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. – Тверь, 1994; Он же. Судьбы Торжка и Твери в XIII веке // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. – М., 2003.

«... сразу после 1238 г. в Тверском гидроузле возникла особая демографическая ситуация, видимо, подобная ситуации 1293 г., когда “множество людей избегло во Тферь из иных княженей” (ПСРЛ. Т. 25. С. 157). Этой ситуацией и воспользовался Ярослав Всеволодович, чтобы заложить новый город Тверь»⁷.

П.Д. Малыгин справедливо указывает на необъяснимость упоминаний Твери в летописях под 1209 и 1215–1216 гг. при датировании предматериковых слоев (т. е. древнейших культурных напластований) второй четвертью – серединой XIII в.⁸ Эта проблема снимается исследователем предположением о существовании первоначальной Твери (т. е. Твери «старой») на месте так называемого «глинного городища», упоминаемого в Писцовой книге 1626 г. как некоего места в Загородском посаде⁹. По мнению П.Д. Малыгина, оно могло располагаться напротив устья Тверцы.

Накопленный к настоящему времени археологический материал из раскопок в Тверском кремле и прилегающей к нему территории не внёс в эту проблему определённой ясности. Большинство исследователей склонны по-прежнему считать, что Тверь возникла во второй половине XII в. (называются 1160-е гг. и 1181 г.)¹⁰.

Такой разброс мнений, естественно, не позволяет считать долгий спор завершённым. Ситуация с Тверью является в целом типичной в историографии древнерусского города: есть примеры, когда дата первого упоминания города в летописи, как правило, «моложе» его истинного возраста. При этом существуют и обратные случаи, когда летописный возраст, наоборот, «удревняет» историю того или иного города.

Круг источников, на основании которых выясняется дата возникновения Твери, очень узок. Письменные источники – летописи, литературные произведения и актовый материал – уже давно введены в оборот, и в этой области количественное увеличение источниковой базы практически невозможно: вряд ли можно ожидать, что откроется ещё какой-нибудь новый памятник. Археологический материал непосредственно с территории тверского кремля накапливается очень медленно, в последнее десятилетие работы в кремле не велись вовсе. Между тем наблюдения исследователей над уже имеющимся, и при этом одним и тем же материалом (письменными источниками и археологическими данными) носят иногда противоположный характер¹¹. Существующие разногласия могут быть объяснены либо

⁷ Малыгин П.Д. Судьбы Торжка и Твери. – С. 94.

⁸ Малыгин П.Д. Некоторые итоги и проблемы. – С. 124–125.

⁹ Там же. – С. 125.

¹⁰ См., например: Жилина Н.В. Ранняя Тверь по письменным и археологическим данным (По материалам из раскопок в Тверском кремле) // Российская археология. – 2001. – №3; Хохлов А.Н., Дашкова И.А. Древняя Тверь в домонгольский период (археологический комментарий к историографическим спорам) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья (далее – ТТЗ). – Тверь, 1996. – Вып. 1.

¹¹ Помимо уже упомянутой дискуссии о датировании предматериковых слоёв можно отметить расхождение во взглядах на датировку оборонительных сооружений кремля (Олейников О.М., Дайнин В.В., Романова Е.А. Средневековые напольные укрепления Тверского кремля (по материалам исследований 1998 г.) // Тверской археологический сборник (далее – ТАС). – Тверь, 2001. – Т. 2. – Вып. 4; Хохлов А.Н., Нестерова М.Е. К характеристике Тьмацкой линии укреплений Тверского кремля (по материалам раскопок 1998 г.) // ТАС. – Т. 2. – Вып. 4) и тверской берестяной грамоты № 1 (Жилина Н.В. Тверская берестяная грамота № 1 // Советская археология. – 1987. – № 1; Богданов С.В. Тверская бе-

отношением авторов к этому материалу – субъективным или объективным, либо методами работы над ним. В первом случае речь может идти о стремлении исследователей видеть в материале то, что они хотят увидеть, во втором – о качественном или некачественном исследовании.

Следует отметить, что к настоящему времени научное изучение ранней истории Твери, за исключением выделения полярных мнений (по разным вопросам, не только по поводу даты возникновения города), не продвинулось далеко вперед. На наш взгляд, это объясняется главным образом не степенью патриотизма в позиции того или иного исследователя, а подчас серьёзными изъянами в исследовательской практике. Там, где необходим тщательный источниковедческий анализ привлекаемых летописных и внелетописных текстов, прослеживается вольное с ними обращение и весьма поверхностное их использование, где можно и нужно ожидать более совершенной или хотя бы нормальной методики исследования, видится если не авантюризм, то безалаберность в работе, граничащая с непрофессионализмом. Там, где возможны соприкосновения в точках зрения или хотя бы внимательное отношение к мнению оппонента, наблюдается воинствующий научный и околонучный нигилизм. Пусть это звучит резко, однако думается, что наступил момент расставить хотя бы какие-нибудь точки, а не многоточия, и обозначить реальные перспективы решения научной и отчасти общественно значимой проблемы, а они, без сомнения, есть.

К настоящему времени в историографии ранней истории Твери примеров не вполне качественного исследования накопилось уже достаточное количество¹². В рамках данной статьи хотелось бы обратить внимание на один такой «тупиковый» сюжет – дискуссию о Воскресенской летописи.

Сообщение, сохранившееся в составе статей, предшествующих Воскресенскому списку Воскресенской летописи, является одним из самых спорных свидетельств о ранней истории Твери. Но при всей спорности этих сведений до последнего времени статьи, предшествующие Воскресенскому списку, в частности глава восьмая, не подвергались детальному анализу на предмет определения достоверности материала, в них изложенного.

Среди статей, предшествующих Воскресенскому списку летописи, существует глава, озаглавленная «Начало великимъ княземъ Тѣрьскимъ» (она является восьмой по нумерации составителя сборника этих статей). В ней сказано следующее: «В лѣто 6740. Князь великій Ярославъ Всеволодичъ, по Батыеви плѣненіи, прииде изъ Новагорода съ дѣтми своими, и нача грады, разоренныя от Батыя, ставити по своимъ местомъ, и на Волзѣ постави градъ и воименова его Тверью по Тверцѣ рѣкѣ, а напередъ того въ томъ мѣстѣ града не былъ, и посади на Твери сына своего меншого Ярослава, и великимъ княземъ его нарече, и оттолѣ наста

рестяная грамота № 1: внестратиграфическая и стратиграфическая датировка // Вестник Тверского гос. ун-та. – Сер.: История. – 2007. – Вып. 1).

¹² Нами уже высказывались сомнения в аргументации некоторых выводов в дате возникновения Твери. См.: Богданов С.В. Тверская берестяная грамота № 1; *Он же*. Новгородско-суздальский рубеж в середине XII в. // Новоторжский сборник: История, археология, историческая география. – Торжок, 2004. – Вып. 1; *Он же*. 1216 год и проблема возникновения Твери // Археология: история и перспективы. Вторая межрегиональная конференция / Сб. ст. Ред. А.Е. Леонтьев. – Ярославль, 2006. – С. 197–215; *Он же*. Названия «Тверь» и «Тверца» в письменных источниках // Вестник Тверского гос. ун-та. – Сер.: История. – 2007. – Вып. 4.

великое княжение Тверское»¹³. Последняя часть этого сообщения действительности мало соответствует: *великое* (здесь и далее курсив наш. – С.Б.) княжение Тверское как политическая реальность появилось не ранее 1328 г., когда князь Константин Михайлович получил в Орде ярлык на великое княжение Тверское и был именован великим князем. Устойчиво великими князьями тверские властители стали именоваться лишь со времени Михаила Александровича (не ранее 1365 г.)¹⁴. Ярослав Ярославич мог называться великим князем только после 1264 г., когда стал великим князем владимирским. Первая часть этого сообщения, где повествуется об основании *нового* города Твери, вызвала естественный интерес у исследователей, занимающихся ранней историей Твери. Возникла научная дискуссия. Фактически её стороны представлены П.Д. Малыгиным и Н.В. Жилиной. Отметим, что сведения, содержащиеся в статьях, предшествующих Воскресенской летописи, очевидно, были известны дореволюционным исследователям тверской истории, поскольку существовала гипотеза о существовании первоначальной крепости на левом берегу Волги (в устье Тверцы), которая в 1240 г. была перенесена Ярославом Всеволодовичем на правый берег¹⁵.

По наблюдениям П.Д. Малыгина, отмеченное место в летописи традиционно не берут в расчёт многие современные историки Твери. По всей видимости, такое невнимание можно объяснить кажущейся фантастичностью этих показаний при том обстоятельстве, что большая часть исследователей Твери признают её существование в домонгольскую эпоху. П.Д. Малыгин подчёркивает, что эта оригинальная статья, которая, по его мнению, является ключевой для разрешения проблемы административного статуса Твери в XIII в.¹⁶, с одной стороны, с другой – для разрешения вопроса о времени основания (или для определения времени её становления) современной Твери¹⁷, находит косвенное подтверждение в других летописных сводах (о некоторой спорности этого тезиса далее).

Н.В. Жилина, суммируя в 1987 г. результаты своего изучения культурного слоя Тверского кремля и определяя гипотетическую схему территориального развития города, отчётливо высказала мнение о том, что после нашествия разрушенный город был расширен, о чём, по её мнению, и свидетельствует сообщение Вос-

¹³ ПСРЛ. – М., 2001. – Т. 7. – С. 245.

¹⁴ Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: Пути политического развития. – М., 1996. – С. 44–45.

¹⁵ Карманов Д.И. Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. – Тверь, 1893. – С. 30; Борзаковский В.С. История Тверского княжества. – Тверь, 1994. – С. 23–25, 27 (В.С. Борзаковский полагал, что поселение при устье Тверцы, вероятно, было основано новгородцами, что это новгородское поселение в конце XII в. было укреплено суздальскими князьями, что уже в начале XIII в. этот город являлся суздальской крепостью на новгородско-суздальской границе; В.С. Борзаковский считал, что мнение о переносе города с левого берега Волги на правый Ярославом Всеволодовичем в 1240 г. в след за перебиравшимся населением, не находит подтверждения в летописях, и в связи с этим предполагал, что «если первоначально город возник на левом берегу, то в последствие времени при увеличении числа жителей городские части преимущественно стали распространяться на правом берегу Волги, как более здесь высокою, около кремля, потому что в Затьмацкой и Затверецкой частях города, конечно в те времена как и ныне, при разлитии Волги вода иногда заливала береговые улицы»); Плетнёв В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. – Тверь, 1903. – С. 172–173; Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. – М., 1959. – С. 108.

¹⁶ Малыгин П. Д. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли. – С. 154.

¹⁷ Малыгин П.Д. Судьбы Торжка и Твери. – С. 93–94.

красной летописи¹⁸. Практически без изменений та же мысль была повторена Н.В. Жилиной в другой работе¹⁹.

Мнение Н.В. Жилиной было оспорено П.Д. Малыгиным, хотя надо отметить, что в работе 1989 г. П.Д. Малыгин не привёл существенных аргументов, противостоящих гипотезе Н.В. Жилиной. Исследователь указал на традиционную связь этой летописной статьи с переносом города с устья Тверцы на устье Тьмаки и доверился сообщению летописца, который отметил, по мнению П.Д. Малыгина, постройку нового города²⁰. В последующих работах аргументация в пользу признания достоверности сведений Воскресенской летописи была расширена. Так, по наблюдениям П.Д. Малыгина, летопись Авраамки в недатированной части отмечает нечто близкое к известию Воскресенской летописи: «А се колено пошло Тферьских князей: Ярослав Великого Новагорода, Великого Александра отец, Всеволода ... сын; той Ярослав посади на княжение в Тфери сына своего Ярослава, брата великого Александра»²¹. Весьма существенно указание П.Д. Малыгина о том, что концепция возникновения Твери, изложенная Воскресенской летописью, была популярной, о чём свидетельствует пересказ этого летописного известия, помещённый в сочинении А. Мейерберга (XVII в.)²².

Кроме того, П.Д. Малыгин указал на то, что летописные источники единодушно начинают упоминать «тверичей» лишь с 1245 г.²³, что само по себе важно, поскольку оформление названия горожан традиционно считается признаком зрелости средневекового города. Наконец, в пользу достоверности данных Воскресенской летописи, как можно понять из работы П.Д. Малыгина, свидетельствует относительно позднее возведение в Твери каменного храма²⁴.

В статье 2001 г. Н.В. Жилина вновь вернулась к вопросу о показаниях Воскресенской летописи, которые, по её мнению, вносят «существенную сумятицу в логичную картину данных о домонгольской Твери»²⁵. Избрав путь поиска логичного объяснения показаний Воскресенской летописи, исследовательница попыталась просчитать возможные варианты. В результате она сделала следующий вывод:

«Сначала летописец рассказал, что происходило восстановление городов на своих прежних местах. Тут ему приходится уделить внимание объяснению названия города от реки Тверцы. Он записал это, и в тексте возникло противоречие: теперь можно понять, что город и поставлен на Тверце. Чтобы исправить несоответствие, летописец добавляет: “Наперед сего в том месте град не был”. “То место” – это Тверца. То есть, там не было города ранее того, как он был в послемонгольское время восстановлен. Данное понимание соответствует

¹⁸ Жилина Н.В. Тверь в период XII–XV веков. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – С. 6.

¹⁹ Жилина Н.В. Тверской кремль: этапы строительства укреплений и хронология культурного слоя // Кремли России: Тез. докл. всерос. симпоз. – М., 1999. – С. 53.

²⁰ Малыгин П.Д. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли. – С. 154.

²¹ Малыгин П.Д. Судьбы Торжка и Твери. – С. 94; ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 16. – Стб. 311.

²² Малыгин П.Д. Судьбы Торжка и Твери. – С. 94.

²³ Новгородская первая летопись // ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 3. – С. 79.

²⁴ Малыгин П.Д. Тверь и Новоторжско-Волоцкие земли. – С. 155; *Он же*. Судьбы Торжка и Твери. – С. 94. Отметим, что этот показатель несущественный: например, Москва «обзавелась» каменным храмом лишь в середине 1320-х гг., хотя город известен с 1147 г.

²⁵ Жилина Н.В. Ранняя Тверь по письменным и археологическим данным. – С. 39.

абсолютно всем историческим и археологическим фактам и, кроме того, снимает внутреннюю противоречивость текста Воскресенской летописи»²⁶.

Не останавливаясь на подробном разборе этого крайне противоречивого вывода (никаким «историческим» и «археологическим» фактам он не соответствует), отметим следующее. Исследователи, спорящие о достоверности показаний Воскресенской летописи, не говорят о том, что упоминаемых сведений собственно Воскресенская летопись *не содержит*, как нет их ни в одной другой летописи, предшествующей Воскресенской. «По умолчанию» считается, что это *летописные* данные. Авторы, участвующие в дискуссии вокруг «показаний» Воскресенской летописи, нигде не обмолвились о том, что речь идёт о данных, сообщаемых в хронологических статьях, предшествующих в данном случае Воскресенскому списку летописи. Между тем эти обзоры, собранные вместе и являющиеся конвоем к определённому рукописному сборнику, по справедливому замечанию В.Л. Янина, представляли собой особый жанр исторического повествования – жанр лаконичного, сжатого до предела списка, перечисляющего основные факты перехода столов, кафедр и высших государственных должностей от одних лиц к другим²⁷. Такие материалы могли существовать самостоятельно, но полностью от летописного рассказа они независимыми не были.

Что же касается возможного «косвенного подтверждения» «показаний Воскресенской летописи», находящихся в «других летописных сводах», на что указывает П.Д. Малыгин, то здесь следует отметить следующее. Рубрика «А се князи Русьстии», которую цитирует П.Д. Малыгин, – это весьма интересный документ, которому уделяется пока ещё недостаточно внимания. Так, этот обзор привлёк внимание В.Л. Янина лишь по вопросу о датировке: по упоминанию в ней последним великого князя Василия Дмитриевича В.Л. Янин датировал обзор временем до 1425 г. Никаких других вопросов в историографии насчёт этого обзора не решалось. Исключение составляет как раз обращение к нему П.Д. Малыгина²⁸. В этой связи подчеркнём, что информацию, привлечённую к анализу П.Д. Малыгиным, содержит не только исключительно летопись Авраамки: равно её можно читать в обзоре «А се князи Русьстии», находящемся среди статей, предшествующих Комиссионному списку Новгородской первой летописи младшего извода и следующих за ним. Другие же летописи, имеющие дополнительные статьи (Новгородский список Новгородской четвёртой летописи, Уваровский список Ермолинской летописи, Новгородская Карамзинская и Воскресенская летописи), этого обзора не содержат. Стало быть, «косвенное подтверждение» показаний «Воскресенской летописи» содержит и младший извод Новгородской первой летописи, и поскольку Комиссионный список этой летописи и кодикологически и текстологически старше летописи Авраамки, то более уместно было бы опираться на вариант анализируемого обзора, сохранившегося в ней. Между тем следует и задаться вопросом – а что это за обзор, когда и в связи с чем он появился, каковы его источники?

Очевидно, что отталкиваться необходимо от его содержания. В обзоре показана генеалогия основных княжеских династий Северо-Восточной Руси XIV сто-

²⁶ Жилина Н.В. Ранняя Тверь по письменным и археологическим данным. – С. 39–40.

²⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2003. – С. 23–24.

²⁸ Малыгин П.Д. Судьбы Торжка и Твери. – С. 94.

летия, имевших одного общего прародителя – Владимира Мономаха, который основал, согласно сообщению обзора, Владимир Залесский. Настоящим основателем династии владимирских князей, однако, считается не он, и даже не Юрий Владимирович «Долгая Рука», а Андрей Боголюбский, поскольку в обзоре сознательно выделена дата начала его княжения в Ростово-Суздальском княжестве – 6663 (1155) год. Следующей важной «генеалогической» ступенью является Александр Ярославич («великий, храбрый, Невский»), от которого «пошло великое княжение Московское»²⁹. От одного сына Александра Невского – Андрея Городецкого – автор обзора вывел колено Суздальских князей (доведено только до Дмитрия Константиновича, бывшего непродолжительное время великим князем). Далее указаны «великие князи Даниловичи» (доведено до Василия Дмитриевича). Отдельное внимание уделено колену тверских князей, при этом автор обзора ни разу не указал, что в этой династии были и великие князья. Завершается обзор описанием того времени великого княжения Ивана Даниловича, когда после смерти Александра Васильевича Суздальского великое княжение было полностью отдано московскому князю. С этого момента, как отмечает автор обзора, и пошли «русские князи». Смысл, заложенный в этом, довольно очевиден: автор стремился показать, что именно князья московского княжеского дома являются преемниками великих князей начиная с Владимира Мономаха. Этот принцип даёт основание считать, что составление обзора преследовало чёткую политическую цель – обосновать преимущественные права московских князей на великий стол.

Дату составления обзора можно определить с высокой степенью точности. В самом конце обзора его автор вставил довольно любопытную фразу: «А Иванова княжения Даниловича до преставления князя Ивана Васильевича и тогда минуло великому князю Ивану Данильевичу 100 лѣтъ и 8»³⁰. Под Иваном Васильевичем в этой фразе можно подразумевать только сына Василия Дмитриевича, который умер в 1417 г.: «В лето 6925. Месяца иуля преставися князь великии Нижнего Новгорода Иван Васильевич, сын великого князя Василия Дмитриевича на Москве»³¹. Это сообщение читается в полном виде в Софийской первой летописи старшего извода, а вот в Новгородской четвёртой летописи и во второй подборке Новгородской Карамзинской летописи оно сокращено до фразы: «А на Москвѣ преставися князь Иван, сынъ князя великого Василья»³². В первом духовном завещании Василий Дмитриевич (около 1406 г.) практически благословлял своего сына Ивана великим княжением, а в завещаниях 1417 и 1423 гг. (т. е. после смерти Ивана) – второго сына Василия. В этой связи интерес автора обзора к Ивану Васильевичу, учитывая статус этого князя, глубоко не случаен. Он составлял его по примеру хроники, рассчитывая количество лет, прошедших между определёнными событиями: Владимир Мономах основал город Владимир Залесский «за 50 лет» до возведения собора Успения Богородицы, т. е. в 1108 г. (храм был заложен в апреле 1158 г. и построен в 1160 г.³³); Юрий Долгорукий пришёл во Владимир и построил

²⁹ ПСРЛ. – Т. 3. – М., 2000. – С. 468; Т. 16. – Стб. 311.

³⁰ ПСРЛ. – Т. 3. – С. 469; Т. 16. – Стб. 312.

³¹ Там же. – Т. 6. – Стб. 537; М., 2004 – Т. 25. – С. 243. В других летописях это сообщение несколько более полное: указывается, что умершего Ивана Васильевича похоронили в церкви Архангела Михаила, «идеже вси князи Рустии лежать» (ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 24. – С. 178).

³² ПСРЛ. – М., 2000. – Т. 4. – С. 416; М., 2000. – Т. 42. – С. 175. Это означает, что в полном виде оно читалось и в общем протографе, в Н4-НК оно явно вторично.

³³ ПСРЛ. – М., 1997. – Т. 1. – Стб. 348, 351.

Георгиевский храм «за 30 лет до Богородична ставления»; «11 лѣтъ минуло» с момента приноса во Владимир иконы Богоматери до возведения церкви Риз Положения на Золотых воротах (икона была принесена в 1155 г., церковь Риз Положения была возведена в 1164 г.³⁴); Всеволод Юрьевич «княжи лѣтъ 37». В этом же ряду стоит указание на то, что между княжением Ивана Даниловича и преставлением Ивана Васильевича прошло «100 лѣтъ и 8». Действительно, кончину Ивана Васильевича от начала княжения в Москве его знаменитого прапрадеда – Ивана Калиты – отделяет 92 года, т. е. «100 лѣтъ и 8». Следовательно, обзор «А се князи Русьстии» был составлен в год, ближайший к году смерти Ивана Васильевича. Место составления обзора можно определить с высокой степенью уверенности – он был составлен в Москве при дворе великого князя.

Однако полного представления о времени составления обзора у нас нет. Дело в том, что в рукописи Комиссионного списка после слов «прия его князь велики Иван Даниловичъ съ честию великою» треть листа (это л. 13) оставлена чистой. Далее на оставшемся месте листа 13 и на обороте этого листа тем же писцом был написан обзор «А се по святѣм крещении, о княжении киевѣстемъ» (рукой этого писца написаны все рубрики, расположенные уже за текстом летописи на л. 265–305 об). Остальные обзоры написаны с оборота листа 13 рукой другого писца³⁵. Это место, оставленное писцом пустым, позволяет полагать, что переписывание обзора «А се князи Русьстии» было не завершено (или же сам обзор был незавершённым). Если это так, то точное время его составления определить затруднительно, но всё-таки можно. Нижней границей времени составления текста является 1417 г. Верхняя граница может быть определена по указанию на Турлакову рать в этом и предыдущем обзоре («Кто колико княжил»). В.Л. Янин обратил внимание на указание о Турлаковой рати при выяснении датировки рубрики о новгородских владыках: поскольку Турлакова рать была в 1327 г., то спустя 97 лет шёл уже 1424 г. (В.Л. Янин полагает, что речь идёт о 1423 г., однако в обзоре чётко указано, что «безъ трехъ 100 лѣтъ минуло», следовательно, с конца 1327 г., когда состоялась Турлакова-Федорчукова рать, *прошло* уже 97 лет, т. е. автор обзора, скорее всего, работал даже не в 1424, а в 1425 г., когда 1424-й был уже *прошедшим* годом), которым и следует датировать рубрику о новгородских владыках. Упоминание о Турлаковой-Федорчуковой рати даёт основание для суждения о том, что обзор «А се князи Русьстии» составлялся в тот же период, что и обзор «Кто колико княжил», в котором между прочим применяется тот же принцип изложения, т. е. по годам княжения. Не исключено, что автор обзора «А се князи Русьстии» руководствовался обзором «Кто колико княжил».

Теперь обратимся ко всей совокупности обзоров. Цель, стоящая перед нами, состоит в том, чтобы определить время их происхождения, а также выяснить, была ли эта совокупность изначально единой или же вся она формировалась в течение длительного времени, получив завершающий вид в первой половине XVI в.

Хронологические и генеалогические обзоры выявлены нами в Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода (далее – Н1), Новорос-

³⁴ Там же. – Стб. 346, 351. Автор ошибся в подсчётах. Если в источнике было указано «10 лет и 1», то это могло означать не 11, а 9 лет, что соответствует действительности.

³⁵ Обращает на себя внимание, что в начале группы статей, предшествующих тексту летописи, расположены статьи, посвящённые исключительно князьям, за ними располагаются статьи, посвящённые в большинстве своём Новгороду (и написанные другим писцом). Полагаем, что это является кодикологическим показателем определённой компоновки материала при переписывании.

сийском списке Новгородской четвертой летописи (далее – Н4), Уваровском списке Ермолинской летописи (далее – Ерм.), Новгородской Карамзинской летописи (далее – НК), в летописи Авраамки (далее – Авр.), Воскресенском списке Воскресенской летописи (далее – Воскр.), а также в Синодальном списке Типографской летописи (далее – Тип.) и в Львовской летописи. Помимо этих летописей такие материалы содержит сборник с Владимирским летописцем (далее – Влад.), но о них мы знаем только из приведённого издателями летописца перечня. В общей сложности выявлено 32 такие статьи. Результаты работы сведены в табл. 1³⁶:

³⁶ Необходимые замечания о времени появления и генеалогии рукописей. Комиссионный список Н1 целиком кодикологически датируется серединой XV в. (ПСРЛ. – Т. 3. – С. 19). Текст Авр написан двумя писцами: первая часть датируется концом 60–началом 70-х гг. XV в., вторая – 1495 г. (ПСРЛ. – Т. 16. – С. 4–6). Важно отметить, что хронологические статьи содержатся в первой части сборника (Авраамка в 1495 г. вынужден был по неизвестной причине дописывать повесть о тверском епископе Арсении), таким образом, эти материалы не могут быть моложе конца 1460-х гг. Уваровский список Ермолинского летописца датируется второй четвертью XVI в. (ПСРЛ. – 2004. – Т. 23. – С. III). Отметим, что Уваровский список представляет собой один из трёх видов (ещё два – Лихачёвский и Прилуцкий) Летописного сборника 1477 г., в составе которого сохранилась летописная компиляция, положенная в основу текста Ермолинской летописи до 1417 г. Происхождение некоторых хронологических статей Ерм., видимо, следует связывать со сборником 1477 г. (*Клосс Б.М., Лурье Я.С.* Русские летописи XI–XV вв. (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. – М., 1976. – Вып. 2. – С. 105–111). Новороссийский список Н4 датируется 70-ми гг. XV в. (ПСРЛ. – Т. 4. – С. XVI). НК дошла до нас в единственном списке – сборной рукописи, состоящей в начальной и конечной частях из тетрадей середины XVII в., а в середине – из тетрадей конца XV – начала XVI в., содержащих публикуемую летопись (ПСРЛ. – Т. 42. – С. 3, 15–19). Тетради конца XV – начала XVI в. содержат немногочисленные хронологические статьи. Воскр. датируется 50–60-ми гг. XVI в. В Синодальном списке Тип. хронологические и генеалогические материалы изложены на л. 319–339, эта часть датируется 30-ми гг. XVI в. (ПСРЛ. – Т. 24. – С. VI).

Льв. датируется 60-ми гг. XVI в. (ПСРЛ. – М., 2004. – Т. 20. – С. V) Для оценки материалов, помещённых в сборнике с летописью, имеет смысл обратиться к истории её текста. В отношении состава летописи в исследовательской литературе бытуют разные предположения. Наиболее обоснованным является вывод А.А. Шахматова, что в основе Льв. лежит свод 1518 г. (учёный высказал это мнение на основании сопоставления Льв. с Архивским списком Софийской второй летописи) (*Шахматов А.А.* Разбор сочинения И.А. Тихомирова «Обзор летописных сводов Руси северо-восточной». – СПб., 1899. – С. 21, 41–48). Позднее было высказано мнение о том, что источником Льв. и Архивского списка Софийской второй летописи послужила одна и та же рукопись свода 1518 г., которая в свою очередь была дополнена в Архивском списке по одному из сводов Тип. (ПСРЛ. – Т. 20. – С. V). Что касается второй части Льв. (охватывающей 1518–1560 гг.), то предполагалось, что здесь отразились некий свод 1533 г. и «Летописец начала царства» (*Лурье Я.С.* Летопись Львовская // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* – Л., 1989. – Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). – Ч.2. – С. 44–45). Однако после введения в научный оборот Летописного свода 1560 г. выяснилось, что текст Льв. на всём протяжении 1518–1560 гг. совпадает со сводом 1560 г. (*Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. – М., 1980. – С. 199–205). Сложную структуру имел, в свою очередь, свод 1518 г., являвшийся источником первой части Льв. В современных представлениях различаются две редакции великокняжеской летописи, доведённой до 1518 г. Эта редакция отразилась с небольшими сокращениями в Уваровской летописи, где в части до 1477 г. была использована компиляция из Ерм. и Московского великокняжеского свода 1477 г. Вторая редакция свода 1518 г. (протограф Льв. и Софийской второй летописи) образовалась путём дополнения текста первой редакции различными источниками, среди которых были: Московский свод конца XV в., Сокращённый свод 1491 г., материалы митрополичьего архива, компиляция, включавшая Ерм., летопись типа Троицкой и Софийскую первую и, наконец, оригинальный летописец, своеобразно освещавший события 50–80-х гг. XV в. Таким образом, можно считать, что материалы, помещённые вместе с летописью, могут быть связаны с летописной работой, которая велась в конце XV, начале и середине XVI в.

Рукопись с Влад. написана двумя полууставными почерками третьей четверти XVI в. (*Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. – М., 1962. – С. 13).

Таблица 1

Статьи, предшествующие Н1 мл, Н4, НК, Ерм., Авр., Воскр.

Именование статей, предшествующих летописям	Н1 мл	Н4 (Новгородский список)	Ерм. (Уваровский список)	НК	Авр.	Воскр.
Съ главы въ первых главхъ не стоять...						+
Начало главамъ и о повести временныхъ лет						+
Начало православных государей и великих князей Рускихъ...						+
Удълние князи Московские						+
Сице родословятся велици князи русьстии / Начало и корень великихъ князей Русскихъ въкратць	+ (до Василия II)		+		+ (продублировано; доведено до детей Василия II)	+ (до Ивана IV)
Смоленские князи отъ великого князя Владимира Мономаха						+
Родословие тхъ же князей	+				+	
Кто колико княжил	+	+			+	
А се князи русьстии	+				+	
А се, по святъмъ крещении, о княжении киевстемь	+				+	
А се князи великого Новгорода	+ (до Василия I)				+ (до Василия I)	
А се посадници Новго-	+	+	+			

Отдельно следует рассмотреть вопрос о генеалогии летописей, в сборниках с которыми дошли анализируемые материалы, поскольку предполагается, что их появление могло быть связано с определёнными этапами летописной работы. Этот вопрос детально изложен Я.С. Лурье (*Лурье Я.С. Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включённых в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. – Л., 1985. – Т. 40. – С. 199–205*). И хотя некоторые звенья составленной им стеммы в настоящее время оспариваются, принципиально она не изменилась. Необходимые нам данные сводятся к следующему: 1) у Н1 и источника, общего для Н4, Софийской первой летописи и НК были один протограф (в настоящее время он называется Новгородской владычной летописью); 2) Н4, Софийская первая летопись и НК восходят к одному протографу, который был составлен не ранее 1418 и не позднее 1448 г., предположительное его название – «Новгородско-Софийский свод»; 3) летописание середины и второй половины XV в. основывается на летописях Новгородско-Софийского круга с добавлением материалов местных княжеских (московского, ростовского) и епископских летописцев; на протяжении второй половины XV в. создавались летописные своды, положенные в основу некоторых летописей; 4) летописи XVI столетия основываются на всём предшествующем летописании, а также на сводах, созданных в начале XVI в. Протограф официального великокняжеского (возможно, связанного и с митрополией) летописания XVI в., отразившийся в Воскр., отражает не одну, а несколько редакций официального летописания – 1526 г. и начала 30-х гг. XVI в.

Именованіе статей, предшествующих лето- писям	Н1 мл	Н4 (Новоро- сийский список)	Ерм. (Уваро- вый спи- сок)	НК	Авр.	Воскр.
родъстии						
А се тысьчъскыи Новго- родскыи	+	+	+			
А се русьстии митропо- лити	+ (до Ге- расима)	+ (до Фо- тия)	+		+ (до Ге- расима)	+ (до Ма- кария)
А се новгородскыи епи- скопы	+	+			+	+ (до Ар- кадия, со- кращенно)
А се архиепископы	+		+			+ (до Да- выда, сильно со- кращено)
А се писаны изъ царствъ						+
А се архимандриты нов- городскыи	+	+	+			
А се имена всъм градомъ руськым, далним и ближ- ним	+	+	+	+		+
Цари ординскыи / А се цари болшыи орды			+			+
Глава 7. Начало о вели- кихъ князехъ Рязанскихъ						+
Глава 8. Начало вели- кимъ княземъ Тферь- скимъ						+
Поучение Петра митро- полита всея Руси князю Димитрею		+				
Никифора патрiарха Царяграда летописецъ вскоръ		+ (только Голицын- ский спи- сок)				+
Глава 9. Сказаніе вкратцъ сущимъ от Ада- ма до днешняго времени; родословіе						+
Глава 10. О Туркахъ						+
Глава 11. Знаменiя въ царства пръвыхъ царей						+
Глава 12. Начало госу- дарей Литовскихъ						+
Глава 13. Сказаніе вкратцъ о Молдавскихъ государехъ						+
Отъ летописца памяти ради			+			
Европейскыя страны, краси, цъсарьи			+			
Временникъ впростъ отъ различныхъ гронографъ			+			

Именованіе статей, предшествующих лето- писям	Н1 мл	Н4 (Новорос- сийский список)	Ерм. (Уваров- ский спи- сок)	НК	Авр.	Воскр.
же...						
Повесть о Тфърском владыщъ конечнаа					+	

Данные, сведённые в таблицу, ясно показывают, что ядро дополнительных материалов составляют немногочисленные статьи, читающиеся практически во всех летописях, хотя и не в одинаковом количестве. По всей видимости, в более полном составе эти статьи сохранились в Н1. Почти равный с Н1 объём дополнительных статей имеет Авр., кроме того, в этой летописи обнаруживаются такие же статьи, которые в Н1 находятся после летописного текста (это юридические памятники), в Авр. они соединены в одну последовательную подборку. Рубрики «Сице родословятся велицеи князь» и «Родословие тех же князей» (в первом случае в рукописи название первой рубрики написано так: «родове славѣтса»; название второй рубрики иное – «А се имена всѣхъ сыновъ князеи Рускихъ») в Авр. продублированы³⁷. Но при этом содержание первой рубрики имеет значительное отличие: в родословии опущены дети и внуки Ивана Калиты (порядок таков: «... 12) Данило роди Иоанна; 13) Иванъ роди Иоанна; 14) Иоаннъ роди Дмитрія; 45) [так в рукописи. – С.Б.] Дмитрія роди Василіа...»³⁸), а во втором случае текст имеет добавление, и в родословии допущена ошибка: «... Данило роди Ивана, иже исправи Русскую землю от татїи и от разбоиникъ; Иванъ роди Сѣмона; Сѣмонъ роди Ивана; Иванъ роди Дмитрія...»³⁹. Ошибка, видимо, была допущена не при переписывании, поскольку в следующей за родословием рубрике «Родословіе тѣх же князѣи Рускихъ» среди детей Семёна Гордого действительно назван Иван (родился от брака с тверской княжной Марией Александровной в 1352 г.⁴⁰), но он не мог быть отцом Дмитрия Донского, им был Иван Красный, как и показано в родословном списке. Очевидно, что писец Авр. не сверял переписываемые им рубрики, в связи с чем остаётся считать, что такая ошибка была в источнике Авр. В целом же объём всех рубрик в Авр. равен Н1, очевидно, что текст рубрик в этих летописях восходит к одному протографу.

Собранные данные наглядно показывают, что выделяется группа статей, которые в разном количестве содержатся во всех сборниках с летописными текстами. Это обзоры: «Сице родословятся велицїи князи русьстїи», «Родословіе тѣх же князеи», «Кто колико княжил», «А се князи русьстїи», «А се, по святѣм крещении, о княжении киевѣстемъ», «А се князи великого Новагорода», «А се посадници Новгородѣстїи», «А се тысячьскїи Новгородскїи», «А се русьстїи митрополити», «А се новгородскїи епископы», «А се архиепископи», «А се архимандриты новгородскїи», «А се имена всѣм градом руским, далним и ближним». Среди них наиболее часто встречаются «Сице родословятся велицїи князи русьстїи»,

³⁷ ПСРЛ. – Т. 16. – Стб. 261, 307.

³⁸ Там же. – Стб. 261.

³⁹ Там же. – Стб. 307.

⁴⁰ Там же. – Т. 25. – С. 178. В этом же году – 12 сентября – у Ивана Ивановича родился сын Дмитрий (Там же. – С. 178). Иван Семенович и Дмитрий Иванович, таким образом, были одногодками. Но Иван скончался в один год с отцом – в 1353 г. (Там же. – С. 179).

«А се посадници Новгородстии», «А се тысячьскыи Новгородскыи», «А се архимандриты новгородскыи». Однако несомненными «лидерами» являются обзоры «А се русьстии митрополити», «А се новгородскыи епископы», «А се архиепископы» и «А се имена всъм градом рускым, далним и ближним». Отметим, что между собой текстологически они практически неразличимы. Пять из этих обзоров содержатся и в Воскр. Однако из 14 остальных статей (среди них и глава 8), содержащихся в сборнике, лишь две находят аналогии в других сборниках: обзор «А се цари ординские» присутствует в Ерм., статья «Никифора патриярьха Царяграда летописецъ вскорь» содержится в Голицынском списке Н4 (в Новороссийском же списке Н4 её нет). Характерно в этой связи, что схожие с Воскр. генеалогические материалы (в их числе и генеалогия тверских князей), находящиеся в Тип. и Льв., также не находят аналогий в летописных сборниках, датируемых серединой и второй половиной XV в.

На основании этих наблюдений можно сделать следующий вывод: представляется очевидным, что группа статей, общих для всех летописей, восходит и к одному общему для них источнику или же статьи были собраны вместе во время, когда этот общий источник составлялся. Судя по датировке старших рукописных сборников (Комиссионного списка Н1 и первой части летописи Авр.), содержащих эти статьи, предполагаемый общий источник не может быть младше середины XV в. Если это так, то речь может идти только о своде первой трети XV в. («своде Фотия» или «Новгородско-Софийском своде»⁴¹), который по меньшей мере не может быть младше 1448 г. Это в свою очередь может означать, что генеалогические материалы Воскр. и Тип. явно были составлены во время, более позднее чем середина XV в., и их восхождение к летописным сводам XV в. вызывает сомнение.

В этом плане любопытно обратить внимание на Влад. В рукописи содержится 29 дополнительных статей, из них пять имеют аналогии в отмеченных выше статьях (табл. 2):

Таблица 2

Дополнительные статьи Владимирского летописца

Статьи, предшествующие летописям Н1 мл, Н4, Ерм., НК, Авр., Тип., Воскр.	Статьи, располагающие в рукописи после Владимирского летописца (л. 246–278)
Все летописи этой группы	Только Воскр., Тип. и Ерм.
А се новгородскыи епископы / А се архиепископы	Архиепископи Великаго Новгорода и Пскова
	Архиепископя Ростовская
	Суздальская епископя
	Епископя Коломенская
	Тферская епископя

⁴¹ В дальнейшем мы будем пользоваться названием «Новгородско-Софийский свод», сокр. НСС.

Статьи, предшествующие летописям Н1 мл, Н4, Ерм., НК, Авр., Тип., Воскр.	Статьи, располагающие в рукописи после Владимирского летописца (л. 246–278)
	Рязанская епископья
	Епископья Сарская
	Перская епископья
	Черниговская епископья
	Епископи Переяславстии
	Смоленская епископья
	Епископи Володимерский
	Епископья Юрьевская
	Епископья Лучьская
	Епископья Бѣлозерская
	Епископья Туровская
Кто колико княжил / Начало православных государей и великих кня- зей Рускихъ...	Колико княжили Велики князи и от кого пошло великое княжение (доведено до Ивана III)
Родословие тѣх же князей / Сице родословятся ве- лицѣи князи русьстии / Начало и корень вели- кихъ князей Русских въкратцѣ	Родство тѣх же князей Рускихъ (доведено до сыновей Ивана III)
	Родство великихъ князей Рускихъ
Глава 8. Начало великимъ княземъ Тферьскимъ (<i>Воскр., Тип.</i>)	Великие князи Тферьскѣи пошли
Смоленские князи отъ ве- ликого князя Владимира Мономаха (<i>Воскр.</i>)	А от Великаго князя Володимера Монома- ха Смоленстии князи и Ярославстии князи
	Того же роду князи Ярославстии
	А се Ростовстии князи и Белозерстии
	А се князи Суздальские Низовскаго Нова- города
Глава 12. Начало госуда- рей Литовскихъ (<i>Воскр.</i>)	А се началнии великие князи Литовстии
Европейскія страны, краси, цсарѣи (<i>Ерм.</i>)	Евтопииские страны короли

Статьи, предшествующие летописям Н1 мл, Н4, Ерм., НК, Авр., Тип., Воскр.	Статьи, располагающие в рукописи после Владимирского летописца (л. 246–278)
	А колико в Руси престолов и епископовъ
А се русьстии митрополити	А митрополитовъ от крещения Русской земли (доведено до Макария)

Видно, что часть статей роднит статьи Влад. с Воскр. К сожалению, из-за незнания конкретного содержания этих статей во Влад., нам крайне трудно судить об их полном или частичном текстуальном тождестве с Воскр. Но то, что аналогичные статьи есть и в Тип., говорит об одном источнике, из которого эти статьи попали в сборники с Воскр., Тип. и Влад. Важно при этом заметить, что все статьи Влад., которые могут быть родственными Воскр., группируются после статей, которые связывают Влад. с Н1, Н4 и Авр. На этом основании можно сделать предположение, что обзор статей во Влад. с указанием епископий восходил к источнику, от которого происходит общая группа статей Н1, Н4, НК, Авр. и Ерм. Это предположение кажется убедительным, поскольку схожее название имеет рубрика, помещённая в тексте Комиссионного списка Н1 – «А се число колко есть епискупии в Русе». По всей видимости, в общем объёме хронологических статей, создававшихся или редактировавшихся для общерусского свода, были и статьи об епископиях Руси.

В связи со сделанным выводом о восхождении хронологических рубрик если не к НСС непосредственно, то ко времени его составления, необходимо выяснить время их появления или редактирования.

То, что эти статьи содержатся вместе с летописями, которые восходят к НСС, позволяет предполагать, что в таком составе эти статьи были собраны при создании НСС (к этому списку может быть прибавлено «Поучение митрополита Петра князю Дмитрию» на основании его нахождения в Новороссийском списке Н4). Когда были созданы эти статьи? Определённый ответ на этот вопрос был дан В.Л. Яниным (см. табл. 3): протограф списка новгородских князей, фигурирующего в Комиссионном списке Н1, был изготовлен в 1423 г.⁴² Отметим также вслед за В.Л. Яниным, что рубрики с теми же названиями, но содержащиеся в Н1 в летописной статье 6497 г., демонстрируют более поздний этап редактирования (список митрополитов заканчивается именем Герасима (1433–1434 г.); список новгородских архиепископов заканчивается именем Евфимия (1423–1429 г.)).

В своей совокупности материал рубрик, как кажется, позволяет полагать, что они были соединены около 1423 г. Отметим, что этим же годом М.А. Шibaев датирует создание протографа С1 младшего извода (далее – С1мл)⁴³, и что Троицкая летопись, по заключению В.А. Кучкина, появилась в 1422 г.⁴⁴

Таблица 3

⁴² Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // Летописи и хроники. 1980. – М., 1981. – С. 158–160.

⁴³ Шibaев М.А. Софийская I летопись Младшей редакции: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000. – С. 12–13.

⁴⁴ Кучкин В.А. О времени написания сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи // Ad fontem / У источника: Сб. статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. – М., 2005. – С. 242.

Датировка статей, предшествующих летописям⁴⁵

Именование статей	Дата составления	Основание
Сице родословятся велиции князи русьстии	? не ранее 1425; ? ранее 1425, не ранее 1420 или 1424	Именование Василия Васильевича великим князем при жизни Василия I
Родословие тѣх же князеи	Не позднее 1415	Родословие завершается перечислением сыновей Василия I
Кто колико княжил	До 1425	Отсутствие исчисления лет княжения Василия I; указание на Турлакову рать (1327 г.)
А се князи русьстии	До 1425	Последним показано имя Василия I
А се, по святѣм крещении, о княжении киевьстемѣ		
А се князи великого Новгорода	До 1425, точнее – до 1424	Последним новгородским князем назван Василий I
А се русьстии митрополити	После 1434	Последним в Н1мл назван Герасим
	После 1431	Последним в Н4 назван Фотий
А се архиепископи	Между 1421 и 1423	Последним назван архиепископ Симеон
А се имена всѣм градом руським, далним и ближним		
А се посадници Новгородьстии	Датировка затруднена	
А се тысячьскыи Новгородскыи		
А се новгородскыи епископы		
А се архимандриты новгородскыи	Датировка затруднена, но не ранее 1419 г	

Рассмотрим возможные варианты датировок вышеназванных обзоров.

«А се Русьстии митрополиты»

Список митрополитов, сохранившийся в Новороссийском списке Н4, заканчивается именем Фотия (1410–1431 гг.). Так же, как отмечает В.Л. Янин, заканчивалось перечисление митрополитов в общем источнике Комиссионного списка Н1мл и Новороссийского списка Н4⁴⁶. В Новороссийском списке Н4, где объём списков посадников и тысяцких совпадает с объёмом в Комиссионном списке Н1, перечисление митрополитов заканчивается именем Фотия, что позволяет ограничивать этим именем и перечисление митрополитов в общем источнике этих двух списков⁴⁷. На наш взгляд, упоминание Фотия последним в списке оставляет возможность датировать список митрополитов временем после 1431 г. и полагать, что он был составлен при митрополите Герасиме, т. е. между 1433 и 1434 г.

⁴⁵ Таблица составлена по: Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка. – С. 158–160.

⁴⁶ Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка. – С. 159.

⁴⁷ Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка. – С. 159.

«А се Новгородскыи епископи», «А се архиепископы Новгородстии»

Обзоры содержатся в Воскр., Н1, Н4 и Ерм. Рубрика начинается именем Ильи во всех четырёх вариантах, а заканчивается в Ерм. и Н4 именем Давида, в Воскр. – Феоктиста и Давида, в Комиссионном списке Н1 – архиепископа Семёна. Что касается датировки статьи, то В.Л. Янин, указав на завершение в Н1 рубрики сообщением о смерти и погребении архиепископа Симеона (следующий за ним архиепископ Феодосий не назван), заключил, что рубрика была составлена между июнем 1421 г. и сентябрём 1423 г.⁴⁸

«А се тысячьскыи Новгородскыи»

Рубрика находится в Н1, Н4 и Ерм. В Н1 и Н4 она заканчивается именем Ивана Васильевича, что, по мнению В.Л. Янина, недостаточно для определения датировки начала деятельности этих лиц⁴⁹ и, следовательно, даты составления обзора. В Ерм. после имени Ивана Васильевича называются ещё 13 имён (последнее – Константин Фёдорович).

«А се посадници новгородстии»

Обстоятельное исследование обзора проведено В.Л. Яниным⁵⁰, который определил изводы и списки обзора и сделал основополагающие выводы об их происхождении. Принципиально важными являются наблюдения о том, что древнейший список (список А) был составлен около 1409 г., при этом в распоряжении составителя были два отдельных посадничьих списка, которые имели независимое от летописного рассказа происхождение. Впоследствии список редактировался (так возник Список Б) на основании обращения к отредактированному же летописному своду (В.Л. Янин считает, что в 1423 г. редактировался «Софийский временник»). Затем обзор, как и другие обзоры, был включён в Н1 в результате сверки Новгородско-Софийского свода с «Софийским временником», обращавшимся в разных копиях. По мнению В.Л. Янина, одна из этих копий, продолженная до 1433 г., была использована в Н4.

«А се имена градомъ всемъ Русскымъ, далнимъ и ближнимъ»

Обзор сохранился в целом ряде летописей (Н1, Н4, Воскр., Ерм. и др.). Он представляет собой перечень более чем 350 городов, разбитых на 8 групп: болгарские, польские, киевские, волынские, литовские, смоленские, рязанские, залесские. В историографии нет единого мнения по поводу времени его составления⁵¹.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Янин В.Л. Новгородские посадники. – С. 25–63.

⁵¹ М.Н. Тихомиров датировал Список 1387–1392 гг. (Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. – Т. 40. – М., 1952. – С. 214–259) и отметил, что он мог происходить из новгородских торговых кругов; Б.А. Рыбаков автором списка считал киевлянина (Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV — начала XVI вв. – М., 1974. – С. 32), а Л.В. Черепнин – гостей-сурожан (Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. – М., 1960. – С. 32); Е.П. Наумов датировал документ 1394–1396 гг. (Наумов Е.П. К истории летописного «Списка городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. – 1973. – М., 1974. – С. 150–163), инициатором создания Списка он считал митрополита Киприана; А.В. Подосинов полагал, что Список был составлен в Смоленске (Подосинов А.В. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» // Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1978. – С. 40–48.); В.Л. Янин датировал документ между 1375 и 1381 гг. (Янин В.Л. К вопросу о дате составления обзора «А се имена градомъ всемъ русскимъ, далнимъ и ближнимъ» // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. – М., 1995. – С. 124–134); К.А. Аверьянов полагает, что обзор был составлен после проведения Переяславльского съезда – в конце 1374 или в начале 1375 г. (Аверьянов К.А. О принципах составления «Списка русских городов»

Однако независимо от определения точной даты составления Списка, следует признать вслед за В.Л. Яниным, что в XV в. происходила определенная корректировка данных этого документа: составленный не позднее 1381 г., «Список» в дальнейшем подвергался коррекции и во второй половине 30-х или же в 40-х гг. XV в. приобрёл известную ныне форму⁵².

Список вызывал большой интерес на Руси, он пользовался широкой популярностью среди русских книжников, включавших его во многие летописные списки и другие рукописные сборники. Любопытно, что в Воскр. «Список» соединён с перечнем «царей ордынских» в одну статью. Это позволяет предполагать, что «Список» вошёл в число дополнений к летописному своду 1409 г.

«Цари Ардинские»

Рубрика оканчивается именем Зади-салтана, т. е. Джелал-ад-дина, занимавшего ханский престол с 1411 по 1412 г., таким образом, перечисление золотоордынских ханов доведено только до 1411 г.⁵³ Видимо, около этого года и была составлена рубрика.

«А се архимандриты новгородскыи»

Варианты списка новгородских архимандритов в Н1 и в Новороссийском списке Н4, по мнению В.Л. Янина, были составлены между 1410 и 1444 г.⁵⁴, при этом оба варианта восходят к одному протографу. В Н1 в конце списка по ошибке писца⁵⁵ указаны Савватий и Дионисий вместо Парфения, Иоанна и Юрия. В Н4 после имени Юрия больше записей нет, но в варианте списка архимандритов Ерм. после него упоминается Мисаил, отмеченный на архимандритии в 1444 г.⁵⁶ Из списка архимандритов, содержащегося в Н4 и Н1, точно датировано время архимандритства Варлаама – 1410–1419 гг.⁵⁷, от Юрия этого архимандрита отделяет ещё шесть имён. Отсутствие имени Мисаила в списке архимандритов в Н4 даёт основания считать, что список архимандритов, представленный в Новороссийском списке Н4, был составлен значительно позднее 1419 г., но не позднее 1444 г. Что касается возможности включения этой рубрики в диапазон до 1423 г., в который, по заключению В.Л. Янина, укладывается изложение практически всех рубрик хронологического обзора, то она представляется нам проблематичной. Её можно принять только при допущении, что после смерти Варлаама Симеон, Михаил, Маркиан и Нафанаил занимали новгородскую архимандритию по одному году (соответственно на Парфения, Иоанна и Юрия приходится в совокупности не более 13–14 лет). Однако нет никаких данных о ежегодной смене новгородских архимандритов между 1419 и 1423 г. и о причинах, могущих её породить.

О рубрике *«А се князи Русьстии»* речь шла выше.

«Родословие великих князей»

// Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Тверь, 2003. – Вып. 3. – С. 336–341).

⁵² Янин В.Л. К вопросу о дате составления обзора.

⁵³ Янин В.Л. Новгородские посадники. – С. 55.

⁵⁴ Янин В.Л. Из истории высших государственных должностей в Новгороде // Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. – М., 1977. – С. 140. Единственное указание на дату архимандритства Мисаила содержит надпись на плащанице в разнице Юрьева монастыря.

⁵⁵ Об этом: Там же. – С. 138–139.

⁵⁶ Там же. – С. 140. – Прим. 7.

⁵⁷ Там же. – С. 140. См.: ПСРЛ. – Т. 3. – С. 402, 410, 412.

Рубрики, посвящённые князьям (родословие, княжение в Новгороде), В.Л. Янин датировал временем до 1425 г. (или даже до 1424 г.)⁵⁸. Основанием для датировки естественным образом послужило упоминание последним в списке великого князя Василия Дмитриевича и его сыновей (рубрика «Сице родословятся велицѣи князи Русьстии» доведена до Василия Васильевича). Аргументация для такой датировки не является исчерпывающей. Так, Троицкий список Н1 младшего извода содержит родословную великих князей, заканчивающуюся Юрием Дмитриевичем, а Василий Дмитриевич вообще не упоминается⁵⁹. Но это, как представляется, – свидетельство редакции, а не критерий для датировки. Полагаем, что для лучшего обоснования даты следует выяснять обстоятельства появления этого родословия.

В 1425 г. после смерти Василия Дмитриевича на княжеский стол вступил его сын Василий. Свидетельство об этом событии в новгородско-софийской группе летописей сохранилось лишь в С1 мл и НК⁶⁰.

Данные этих летописей не дают возможности понять, что в 1425 г. смена великого князя прошла со сложностями, хотя на престол по праву старшинства претендовал Юрий Дмитриевич. Между тем Ерм., Сокращённый свод 1493 г., Сокращённый свод 1495 г., Сокращённый свод 1497 г., Влад., Никаноровская летопись и Московский летописный свод конца XV в., в основе которых лежит московское великокняжеское летописание 50–70-х гг. XV в.⁶¹, довольно подробно (за исключением Ерм.⁶²) рассказывают о том, что после смерти великого князя Василия Дмитриевича (дата точная: 27 февраля, 3 часа ночи) возникла довольно острая ситуация вокруг великого княжения и московского стола⁶³.

Сразу после кончины Василия Дмитриевича митрополит Фотий послал своего боярина Акинфея Слябатева «по брата его» – т. е. к князю Юрию Дмитриевичу в Звенигород. Однако Юрий Дмитриевич «не хотя к Москвь, иде к Галичю». В результате на великом княжении «съде» малолетний князь Василий Васильевич — эта фраза читается как раз в НК и С1 мл. («А на великомъ княжении съде князь Василеи Васильевичъ»). Князь же Юрий из Галича прислал своих послов к новому великому князю с целью заключить перемирие до Петрова дня, т. е. до лета. Весну этого 6933 (очевидно, сентябрьского 1425 г.) года Юрий потратил на сбор военных сил для борьбы с племянником. Во вспышке этой борьбы на помощь Василию был призван дядя – Константин Дмитриевич, а конкретным миротворцем выступил митрополит Фотий. В конечном счёте именно переговоры Фотия с Юрием Дмитриевичем позволили достичь компромисса: галицкий князь согласился «не

⁵⁸ Янин В.Л. О роли Синаодального списка. – С. 158; *Он же*. Новгородские посадники. – С. 37. Во втором издании книги «Новгородские посадники» В.Л. Янин отмечает, что имя Василия Васильевича было добавлено при оформлении Комиссионного списка в середине XV в. (Новгородские посадники. – С. 37), т. е. этот факт является свидетельством редакции исходного текста.

⁵⁹ ПСРЛ. – Т. 3. – С. 561.

⁶⁰ ПСРЛ. – М., 1994. – Т. 39. – С. 97; Т. 42. – С. 177.

⁶¹ Это традиционное представление. М.А. Шibaев на основании индивидуальных черт Софийской первой летописи младшего извода показал, что при составлении протографа Московского свода 1479г. и Ерм. использовался текст С1мл (*Шibaев М.А.* Софийская 1 летопись Младшей редакции. – С. 19). С1 – это, несомненно, московская великокняжеская летопись.

⁶² Здесь сообщение более короткое, однако, оно, очевидно, восходит к одному и тому же источнику, что и в сводах второй половины XV в. (ПСРЛ. – Т. 23. – С. 146).

⁶³ ПСРЛ. – М., 1962. – Т. 27. – С. 100, 268, 342; М., 1963. – Т. 28. – С. 96; М., 1965. – Т. 30. – С. 132.; Т. 25. – С. 246.

искать княжения собою великаго», но при одном условии – «но царем котораго царь пожалует, той будет князь велики Владимирьский, и Новугороду Великому, и всей Руси»⁶⁴. На этом условии князья, по всей видимости, и целовали крест (далее в этой группе летописей следует сообщение о смерти Ивана Михайловича Тверского, которое читается во второй подборке НК и Н4⁶⁵).

Это сообщение представляется нам чрезвычайно важным. Оценивая его историчность, следует, естественно, обратиться к источникам. Выше были отмечены те летописи, которые это сообщение содержат. Все они восходят к московскому великокняжескому летописанию, а именно к С1 мл. Текст статей 6933 и 6939 гг. в указанных летописях идентичный, но в Ерм. он значительно сокращён, причём речь идёт именно о сокращении исходного – первичного – текста⁶⁶, т. е. текст Ерм. в этих статьях вторичен по отношению к тексту сводов 1479 г. и конца XV в. Это позволяет говорить о том, что свидетельства о 1425 и 1431 гг. содержались в протографе Ерм. и свода 1479 г. Предполагается, что им является С1мл.

Сообщение о событиях 1425 г. демонстрирует роль митрополита в решении вопроса о великом княжении и, кроме того, ясно показывает, при каких обстоятельствах и на каких условиях Василий Васильевич стал великим князем: по существу вопрос о судьбе великого стола был отложен до его решения в Орде, которое было принято лишь в 1432 г., до этого Василий Васильевич не был великим князем, утверждённым ханом в Орде.

Осложнения начались в 1430 г., когда Юрий Дмитриевич в одностороннем порядке «разверже мир с великим князем Василием Васильевичем». В следующем 6939 (1431) г. «пoidsа князи Руские во ордоу, князь Василей Васильевич о великое княжение с дядею своимъ Юрьемъ Дмитриевичемъ»⁶⁷. Летописные своды второй половины и конца XV в. имеют существенное уточнение: в 1432 г. «князь велики Василей да князь Юрьи Дмитриевич, дядя его, спиршися о великом княжении и похотѣша ити въ Орду къ царю Махметю на праздникъ же пречистыя успенья»⁶⁸. В 1433 г. в Орде состоялись прения между князьями, в ходе которых «князь велики (Василий Васильевич. – С.Б.) по отечеству и по дѣдству искаше стола своего, князь же Юрий летописци и старыми списки и духовною отца своего великого князя Дмитрея»⁶⁹.

С политической позицией Василия, занятой им во время переговоров в Орде с Юрием Дмитриевичем, М.А. Салмина и Я.С. Лурье связывают добавление к словам о передаче Василию Дмитриевичу великого стола в рассказе о смерти великого князя Дмитрия Ивановича фразы «яже есть столъ отца его и дѣда и прадѣда»⁷⁰ (её нет в духовном завещании Дмитрия Ивановича). Это добавление, по мнению исследователей, могло быть сделано после 1432 г., т. е. при составлении НСС в

⁶⁴ ПСРЛ. – Т. 28. – С. 97; Т. 25. – С. 247.

⁶⁵ ПСРЛ. – Т. 42. – С. 177 (ошибочно под 6932 г.); Т. 4. – С. 432.

⁶⁶ Так в Ерм. точно повторена дата смерти Василия Дмитриевича, здесь имеется сообщение о послахе Фотия к Юрию Дмитриевичу, об отказе Юрия идти в Москву, о перемирии, заключенном до Петрова дня, о развержении мира в 6939 (1431) г. (ПСРЛ. – Т. 23. – С. 146, 147).

⁶⁷ ПСРЛ. – Т. 4. – С. 450 (свидетельство содержит только Новороссийский список Н4); Т. 25. – С. 248, 249; Т. 27. – С. 102, 103; Т. 28. – С. 98, 99; Т. 30. – С. 132.

⁶⁸ Там же. – Т. 25. – С. 249.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Салмина М.А. «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» // ТОДРЛ. – Л., 1970. – Т. 25. – С. 99–100); Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. – Л., 1976. – С. 113. Это аргумент в пользу датировки свода.

1448 г. С этим мнением не согласен А.Г. Бобров. Он считает, что в 1432 г. свод, включавший «Слово о житии...» со вставками, уже существовал: неназванным «новым» «списком Летописца», который был неизвестен князю Юрию, был, по мнению А.Г. Боброва, свод-протограф С1–НК (второй подборки)⁷¹. На этот летописец опирался, как можно понять, Василий Васильевич, и спор в Орде был текстологическим (правда, А.Г. Бобров признаёт, что только отчасти).

Построения А.Г. Боброва трудно принять как доказанные. Исследователь не вполне точно цитирует источник. Он ссылается на Никаноровскую летопись и Московский летописный свод конца XV в. (далее – МС), но цитирует только Никаноровскую летопись: «Князь же великы по отечеству и по дѣдству искаше стола своего, князь же Юрий лѣтописци старыми списки (разрядка А.Г. Боброва. – С.Б.)и духовною отца своего великого князя Дмитрея»⁷². Между тем в МС, а также в своде 1497 г. между словами *лѣтописци* и *старыми списки* присутствует союз *и*, которого нет в Никаноровской летописи. При этом по примечаниям в издании свода 1497 г. можно понять, что собственно в рукописи содержится фраза «лѣтописци из старины», которая переправлена по МС⁷³ (вместо неё вставлено «и с старыми списки»). Эта разногласия источников (причём родственных) позволяет предполагать, что в Никаноровской летописи содержится вторичное чтение, а МС и свод 1497 г. содержат первичное чтение. Союз *и* имеет во фразе большое значение: летописный текст в этом случае чётко говорит о том, что князь Юрий возил в Орду летопись, какие-то «старые списки» и духовное завещание своего отца. Очевидно, что слова «старые списки» к слову «летописец» не имеют отношения, они самостоятельны. Что это за «старые списки», каким «новым» спискам они могли быть противопоставлены?

Наследование великого стола как норма средневекового времени должно было иметь солидное юридическое сопровождение. Документальный материал имел, естественно, существенное значение. Не меньшую роль играли и записи летописного характера, фиксировавшие «былой порядок». Довольно сложно прямо говорить о том, велись ли при великом столе родословные списки, по которым в сложных ситуациях присутствия многочисленных претендентов можно было определять очередность их восхождения на великий стол. Вполне возможно, что такие родословия всё же существовали (об этом можно судить по тому, что существовали списки посадников). Это предположение позволяет более внимательно взглянуть на рубрики, посвящённые князьям. Нетрудно заметить, что родословие князей до сыновей Ивана Калиты построено по принципу вертикального наследования: каждое последующее поколение князей имеет своим родоначальником лишь одного из сыновей предшествующего великого князя⁷⁴, при этом многие великие князья оказались не указанными⁷⁵. Внуки Ивана Калиты, отцы которых были ве-

⁷¹ Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. – СПб., 2001. – С. 155.

⁷² См.: ПСРЛ. – Т. 27. – С. 103.

⁷³ Там же. – Т. 28. – С. 99.

⁷⁴ Последовательность такова: Рюрик – Игорь – Святослав – Владимир – Ярослав – Всеволод – Владимир Мономах – Юрий Долгорукий – Всеволод – Ярослав Всеволодович – Александр Ярославич Невский – Даниил Александрович – Иван Данилович Калита.

⁷⁵ Киевские: Изяслав и Святослав Ярославичи, Святополк Изяславич, Мстислав Владимирович, Ярополк Владимирович, Всеволод и Игорь Ольговичи, Изяслав Мстиславич (соответственно, до Юрия Владимировича). Владимирские: Андрей Юрьевич, Юрий и Константин Всеволодовичи, Ярослав Ярославич, Михаил Ярославич, Юрий Данилович (Юрьи Великий).

ликими князьями, и их дети названы по отдельности (дети Семёна, Ивана и даже Андрея, который не был великим князем⁷⁶). Далее родословие вновь возвращается к прежнему порядку перечисления (доведено до сыновей Василия Дмитриевича, дети остальных его братьев не названы). Принцип перечисления князей-Рюриковичей, надо сказать, крайне избирателен⁷⁷. Сам же перечень довольно скупо отражает реальность, но смысл его очевиден: он должен был показать, что в княжеском доме с древности действовал строгий порядок наследования *от прежнего* великого князя к *одному* из его сыновей. Таким образом, существовавший на Руси порядок замещения княжеского стола и родословие, составленное в XV в., не соответствуют друг другу. В этой связи чрезвычайно важно обратить внимание на то, что первые шаги к нарушению этого принципа сделал именно Василий Дмитриевич. Около 1401–1402 г. между Василием Дмитриевичем и его братьями Андреем и Петром был заключён новый договор⁷⁸. В нём Андрей и Пётр обязывались «блюсти под детьми» Василия, т. е. фактически отказывались от своих прав быть «старейшими» князьями в московском княжеском доме и соответственно великими князьями. В своём первом духовном завещании (около 1406 г.) Василий Дмитриевич практически благословлял своего сына Ивана великим княжением, а в завещаниях 1417 и 1423 г. – второго сына Василия. Этому противодействовали Юрий, а также Константин. Политическая линия, проводимая Василием Дмитриевичем, требовала документального обоснования, которое могло бы уравновесить его права в споре с Юрием Дмитриевичем. Отчасти своих целей Василий Дмитриевич добился, заключив соответствующие докончания с Петром и Андреем, однако такие докончания не были заключены с Константином и Юрием (Юрий был прямым претендентом на стол после смерти Василия). Поэтому не исключено, что по заказу Василия Васильевича были подготовлены новые родословные списки, в которых был отражён принципиально новый порядок наследования как отчинного (московского), так и великого стола. Если это так, то в родословии князей, которое содержится в статьях, предшествующих Комиссионному списку Н1 и Новороссийскому списку Н4, мы можем видеть документ, подготовленный по заказу Василия Васильевича перед его непосредственной поездкой в Орду, где в 1433 г. решалась судьба великого княжения (иначе говоря, это родословие было «новым» списком князей, которому были противопоставлены «старые списки», использовавшиеся князем Юрием). Это наблюдение позволяет датировать рубрику временем от начала политического кризиса (не ранее 1430 г.) и до поездки князей в Орду (до 1431 г.). Вполне вероятно, что к летописному своду она могла быть присоединена после 1433 г., когда князья вернулись из Орды (что позволяет датировать создание самого свода также временем после 1433 г.).

Собранный материал позволяет сделать следующий предварительный вывод. Представляется очевидным, что обзор «А се князи Рустии» (как и все рубрики, предшествующие Комиссионному списку Новгородской первой летописи младшего извода) имел летописное происхождение. Его составление следует, по видимому, связывать с грандиозной работой по созданию общерусского летопис-

⁷⁶ Поэтому закономерным было восхождение на старейшинство Дмитрия Ивановича, хотя Владимир Андреевич был старше его.

⁷⁷ Выше обращалось внимание на ошибку в Авр., где родословная вообще сокращена до прямого наследования от Ивана Калиты к Ивану Красному и Дмитрию Донскому.

⁷⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. – М., 1950. – № 18. – С. 51.

ного свода⁷⁹, когда в распоряжении книжника, находившегося либо при дворе митрополита, либо в новгородской владычной канцелярии оказались летописные материалы предшествовавшего летописного свода и новгородского владычного летописания, на основании которых и были составлены самостоятельные хронологические обзоры (с созданием этого свода В.Л. Янин связывает редактирование списка новгородских посадников⁸⁰), сохранившиеся в виде конвоя рукописных сборников, содержащих летописные тексты. Важно отметить и другое: из двадцати хронологических и генеалогических обзоров, содержащихся в конвое Воскресенского списка, пять (может быть ещё и обзор «Цари ордынские») могут быть уверенно датированы первой третью XV в. Рассмотрение хронологических статей, содержащихся в рукописных сборниках вместе с летописными текстами, показывает, что некоторые из них были созданы задолго до времени появления самого свода и при его создании были отредактированы, другие рубрики были составлены, видимо, специально для свода. В дальнейшем они в том или ином количестве, но никогда в полном объёме переходили из сборника в сборник, так они попали и в летописные сборники XVI в. – Синодальный список Типографской летописи, Львовскую летопись и Воскресенский список Воскресенской летописи.

Вывод другого рода, который можно сделать из рассмотренного материала, сводится к следующему: родословные материалы, имеющиеся в Синодальном списке Типографской летописи, Воскресенском списке и в Львовской летописи к летописному своду первой трети XV в. и его материалам прямого отношения не имеют. Судя по тому, что нет их и в рукописных сборниках, датируемых второй половиной XV в. (и в некоторых летописях, восходящих к сводам второй половины XV в., – например, в Уваровском списке Ермолинской летописи), появиться в оформленном виде они могли не ранее самого конца XV в. или первой половины XVI в., но точно до появления рукописи с Синодальным списком Типографской летописи. Следовательно, их первоисточники – и в первую очередь протограф сообщения о постройке Твери – следует разыскивать в материалах, которые не сохранились ни в одной из существующих летописей. Трудность может заключаться в том, что таких материалов могло не сохраниться.

Думается, что сведения о постройке града, «где прежде града не было», сообщаемые в хронологическом обзоре, *могут иметь* летописное происхождение, однако сказать, из какой именно летописной традиции они попали в обзор, в рамках этой статьи не представляется возможным. По всей видимости, собранные генеалогические статьи княжеских династий и среди них глава о тверских князьях, были основаны на региональных материалах, имевших летописное происхождение, но в то же время существовавших отдельно от летописей. Сообщение о возведении Твери в 1240 г. в таком случае может иметь тверское происхождение и быть достоверным. Естественно, этот вывод требует более серьёзного обоснования и дальнейшей работы.

⁷⁹ Имеется в виду летописный свод, являющийся общим протографом для летописей С1, Н4 и НК.

⁸⁰ Янин В.Л. Новгородские посадники. – С. 25–63.

S.V. Bogdanov

**THE COMPOSITION AND THE ORIGIN OF THE ARTICLES PREVIOUS TO THE
VOSKRESENSKY LIST OF THE VOSKRESENSKYA CHRONICLE
(TO THE DISCUSSION OF THE ORIGIN OF TVER AND UNIQUE INFORMA-
TION OF THE VOSKRESENSKYA CHRONICLE)**

Summary

The author researches the problem of the origin of some genealogic articles from the manuscript collection with the text of the Voskresenskya chronicle. Basing on received information the author comes to the conclusion that genealogical and chronological surveys were composed in different periods. One group of them was composed in the first half of the 15-th century; another – appeared in the end of the 15-th century – the first third of the 16-th century. The author supposes that genealogical articles of prince dynasties were based on regional data, the chapter of Tver's princes was among them. This regional data originated from the chronicles, but in the same time they were separately from the chronicles. In the author's opinion the information of the foundation of Tver in 1240 year originated from Tver and it was reliable information.